

Соловьев Дмитрий Константинович

Основы охотоведения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Константинович С.**
Основы охотоведения / Соловьев Дмитрий Константинович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 161 с.

ISBN 978-5-519-74733-2

Систематическое руководство к изучению русского охотничьего дела.

ISBN 978-5-519-74733-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие.

Поворот в отношении к охоте, в смысле признания ее не только *билловством*, а государственно важным делом, медленно, но неуклонно наблюдается у нас в России за последнее два десятилетия. Тем не менее и поныне, не только среди лиц, стоящих близко к государственным интересам вообще, но и среди массы самих охотников отсутствует тот минимум знаний по *охотничьему делу*, который обеспечивал бы не только правильное разрешение важнейших вопросов связанных с охотой, но даже просто серьезный подход к ней.

Сознательное отношение и понимание охотничьего дела в целом, особенно необходимо в настоящее время, когда наша пушнина играет громадную роль в товарообменных операциях с за границей и к ней протягиваются со всех сторон хищнические руки, прикрытые разными вывесками и лозунгами, руки, желающие взять как можно больше без всякого интереса к сохранению основных запасов охотничьих богатств страны. Отсутствие какого либо систематического руководства представляло до сих пор серьезное препятствие для тех, кто желал бы ознакомиться хотя бы с основами охотоведения. Правда, что в различных старых изданиях, (переодических и не периодических), имеется масса ценного материала, но материал этот крайне разбросан, частью устарел и в громадном большинстве случаев совершенно недоступен рядовому читателю, т. к. помещен в изданиях являющихся библиографическими редкостями. Отдельные книги, брошюры, журналы и пр. по охотничьему делу, изданные в относительно большом количестве с 1917 года, Наркомземом, Госиздатом и Всеросс. Союзом Охотников, не могут восполнить указанного пробела, т. к. касаются только отдельных вопросов, и выпуск систематического руководства по охотоведению стал категорически необходим.

Придя к сознанию этой необходимости, я стал разрабатывать план настоящей книги, и передо мной стала дилемма: или написать руководство совершенно заново или же *составить* его, и воспользовавшись превосходными работами многих авторов, критически разобравшись в доброкачественности материала, исправив, обновив, и изменив даже кое что, смотря по надобности, дополнить личным авторством лишь то, что необходимо. Я остановился на втором пути, главным образом, из того соображения, что при отсутствии, в наше время, подходящих условий для спокойной, кабинетной работы, сама техника писания книги в 600 слишком страниц, заняла бы чересчур много времени (не меньше 2—3 лет), а в тоже время изложение многих отдельных частей, явилось бы просто перефразировкой текста, прекрасно

изложенного другими авторами. Таким образом, настоящая работа в значительной своей части является сводной и компилятивной; в конце книги, в списке литературы, мною будут указаны труды, из которых сделаны извлечения.

Т. к. у нас до сих пор нет еще определенного метода в деле изучения охоты в целом, то план настоящей книги является одновременно и попыткой вплотную подойти к установлению этого метода. Не вдаваясь в объяснение сущности данного метода, что видно будет из самой книги, можно сказать только, что каждое разбираемое явление прежде всего рассматривается в исторической перспективе, с точки зрения государственной и народно-хозяйственной и в совокупности действия различных факторов — биологических, экономических и др. влияющих с той или иной стороны.

Вся книга разбита на 4 части для ускорения выхода ее в свет. Вторая часть находится в печати и выйдет из нея в ближайшее время: в нее войдут главы об охотничьем оружии, охотничьих собаках и орудиях и способах добывания охотничьих зверей и птиц. Части 3-я и 4-ая почти готовы и если условия печати позволят, то они выйдут в ближайшее полугодие.

Содержание этих частей следующее: охотничьи промыслы, морские звериные промыслы, охотничье хозяйство, охотничье население и его быт, продукты охоты и торговля ими, охотничье законодательство, охота за границей, охотничьи обследования и наблюдения, заключение и список важнейшей литературы по охоте.

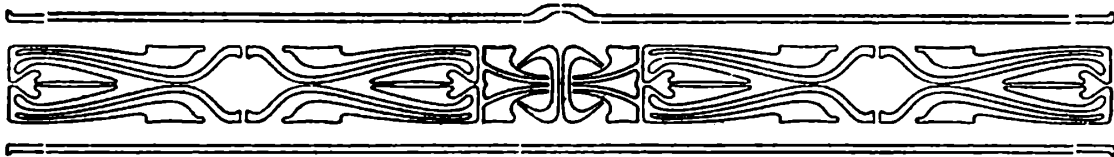
Если в прежнее время охотники занимались преимущественно чтением охотничьей беллетристики, считая, что делом охоты ведают кто то там, в министерствах, то теперь никакого оправдания в этом отношении не может быть: дело охоты находится в руках самих охотников и для правильного его ведения прежде всего надо иметь известный запас знаний, надо учиться, что бы иметь моральное право, принимая участие в съездах и занимая специальные должности, тем оказывать влияние на охотничье дело в государственном масштабе.

Цель этой книги — расширить кругозор читателя и дать ему положительные знания, заставить работать мысль его в определенном направлении любви к природе и желания обереечь ее от хищнического расхищения, привить ему правильный метод изучения охотничьего дела, помочь отрешиться от невежественного самомнения и узко-эгоистических интересов, и встать на народно-хозяйственную точку зрения.

Старший ассистент Подотдела охоты Сельско-Хозяйственного
Ученого Комитета Н. К. З., Член Ц. К. Всеросс. Произв. Союза Охот-
ников завед. Научно-Просветительным Отделом.

Дм. Соловьев.

4 июня 1922 г.

Г Л А В А I.

В в е д е н и е.

Термин „охота“ и роль охоты в истории человечества. — Народно-хозяйственное значение охоты в России. Сущность охотничьей страсти. — Охотоведение и необходимость его изучения. — Прогрессивное уменьшение количества охотничьих животных. Анализ причин этого явления: косвенное влияние человека на мир промысловых животных; влияние непосредственное. — Возможность и схема мероприятий для сохранения и развития охотничьих богатств страны.

Охота, в обширном смысле этого понятия, означает страсть, направленную к добыванию и разведению некоторых видов животных, а также к усовершенствованию, путем упражнения и подбора, отличительных признаков их; сюда относятся конская охота (коневодство, рысистые бега, скачки), собаководство, птицеводство и т. п. В более тесном смысле слова охота есть добывание диких зверей и птиц, находящихся в свободном состоянии, всякими способами; в этом смысле мы только и будем понимать охоту в дальнейшем.

Судя по данным письменных источников, а именно—летописей, наши предки называли охоту „ловами“: „ловы деяти“ значило охотиться, „обловиться“ значило иметь большой успех на охоте. Это название с древнейших времен прочно держалось и в письменном языке, и в употреблении народном. Любопытна замена его современным названием—„охота“. Последнее название начинает устанавливаться с конца XV, начала XVI в., и эта замена в названиях произошла под влиянием изменений и в самом характере и значении охоты. „Ловы“ выражают мысль о материальной стороне охоты,—о желательном обилии улова; „охота“, напротив, указывает на настроение, на страстное хотение „гнати по зверю“, когда важно не то, сколько уловлено, но *как* и при каких обстоятельствах.

Если для „ловца“ важен обильный улов зверей или птиц при наименьшей затрате сил, то для „охотника“, напротив, важен не исключительно

материальный, количественный успех охоты, но те ее условия, которые дают пищу догадливости и проницательности охотника, его ловкости и смелости, и которые обращают охоту в источник умственного наслаждения; чем больше препятствий, тем приятнее для охотника успех и выше его качество, а количественное выражение этого успеха для любителя охотника — на втором плане. Но если это так, то замена в названиях и должна была произойти в то время, когда охота обратилась в искусство, цель которого была не столько удовлетворение первых наших нужд, как-то — доставление себе пищи и одежды, сколько удовлетворение свойственной человеческой душе потребности в нравственном наслаждении. Охота одинаково свойственна и дикарю, и человеку самого высокого развития. Повсюду на земном шаре, где только живет человек, охота существовала и существует. Исчезали с лица земли племена и народы, вымирали учреждения и обычаи, а охота не исчезла, но живет, лишь разнообразясь в своих видах и приемах, сообразно с условиями территории и нравов населения. Причину такой необыкновенной живучести охоты и ее распространенности следует искать, по нашему мнению, в тех естественно экономических условиях народного быта, которые впервые вызвали к жизни охоту, так сказать, создали ее.

Для древних обитателей первобытных лесов охота являлась необходимостью и имела разностороннее значение, делая более безопасным пребывание их в лесу и удовлетворяя главнейшие потребности жизни: мясом зверя они питались, из шкуры делали одежду. Изошрив ухо и глаз первобытного человека, охота постепенно развивала в нем способность наблюдения, умение пользоваться результатами его, и содействовала развитию в нем способности мышления и потребности знаний, так что, благодаря ей, отчасти, человек получил первые понятия о природе. Мало того — охота должна была дисциплинировать волю дикаря: чтобы сразить зверя, иногда нужно выждать момент, когда удар всего вернее, и принять то положение, которое всего удобнее. Сообразительность и ловкость, настойчивость и выносливость — вот те привычки, какие должны были образоваться в борьбе с зверем, привычки, получившие особенную цену впоследствии, когда человеку пришлось вести борьбу не с зверем, а с себе подобными. Такова первая ступень в развитии охоты.

При охоте за дикими зверями первобытному человеку случалось не только убивать, но и ловить их живыми — при помощи ям и ловушек, маленьких детенышей и т. п., результатом чего явилось одомашнивание и приручение некоторых полезных животных и затем развитие скотоводства. Пастушеский кочевой быт, как вторая ступень в истории развития человечества, сменяет собою чисто охотничий, бродячий. Тем не менее, и в этот второй период охота играет одну из главных ролей в жизни человека, доставляя ему не только многие необходимые для жизни продукты, но и являясь средством самозащиты и охраны от диких зверей себя самого и своих, немногочисленных еще, стад.

С течением времени, когда человек научился побеждать вредных и страшных зверей, а животных полезных с'умел приручить и сделать своими слугами—его мысль открыла способ извлекать пользу из земли. Земледелие повлекло за собою оседлость, оседлость сократила район охоты. С этого времени человек до известной степени прикрепляется к земле, а раньше он свободно переменял места, и где было много зверя, где был простор и приволье для охоты, там было и его обиталище.

Когда человек сделался землепашцем, охотничья добыча перестает быть для него главным средством существования; материальное значение охоты с'уживается, — она становится у некоторых народов вспомогательным или второстепенным занятием, но зато более рельефно обозначается ее другая сторона,—как благородного занятия, искусства, обладателям которого, если они отличаются храбростью и ловкостью, она доставляет славу, уважение и не редко даже самую власть. Известно, что в песнях дикарей прославляются отважные и искусные охотники и воспеваются их геройские подвиги. Возможно предположение, что в первобытных общественных группах лучшие охотники, отличавшиеся отвагою и удачею, становились главами и вождями племен.

Последующая ступень охоты, на которой ее развитие окончательно завершилось, мы встречаем уже у цивилизованных народов. Она явилась одновременно с возникновением поземельной собственности, деления общества на классы и общественного разделения труда. На этой ступени охота делается искусством и зачастую привилегией высших классов общества, причем здесь охота—не случайная забава, выполняемая как кому вздумается, но именно искусство, подчиненное известным правилам, извлеченным из опыта. Но наряду с этим и в наше время мы видим, что в некоторых местах охота сохранила свое первостепенное значение, примитивные зачастую формы и является единственным, главным или важным средством для существования местного населения. В этом отношении Россия находится в исключительном, по сравнению с Западной Европой, положении и промысловая охота, как важный фактор экономической жизни страны, сохранит свое значение еще на долгое время.

Значение охоты, как важной отрасли народного хозяйства, совершенно игнорировалось старым правительством, причем невнимание это основывалось на незначительной цифре доходности от охоты, получаемой из официальных источников, заведомо неполных и недостоверных. Так, на 1910 год доходность от охоты, по данным ежегодника Центрального Статистического Комитета, исчислялась по России в сумме 3.688.717 рублей 50 коп. По данным же специальных исследований на местах (соболиные экспедиции — Саянская, Баргузинская, Камчатская, работы в Якутской области, Амурской области и проч.) и путем осторожных обобщений, доходность от охоты в России равнялась не менее 100.000.000 золотых рублей в год. Некоторые исследователи этого вопроса (Туркин, Урусов), путем обследования ярмарочных оборотов, вы-

вели цифру в 300 миллионов рублей, которая все же гораздо ближе к истине, нежели цифра Статистического Ежегодника. Анкета Комиссии по животноводству в 1909 году дала цифру, выражающую доход населения от охоты, в одних промысловых губерниях, в 57 мил. рублей, но анализ этих анкет выясняет, что показания их значительно преуменьшены. Разнообразие приведенных цифр, вызванное отсутствием правильной статистики, не дает нам, конечно, права произвольно принимать по своему предвзятому отношению к охоте ту или иную минимальную или максимальную цифру; мы можем только сказать, что цифра в 100 мил. рублей является результатом специальных научных исследований, скорее уменьшенной, чем преувеличенной, и с ней мы можем оперировать без опасения впасть в существенные ошибки.

Таким образом мы приходим к заключению, что общая ценность добычи от охоты в год приближается к ценности рыбного промысла (около 100 мил. рублей) в огромном экономическом значении которого, конечно, никто не сомневается; разница при оценке этих двух промыслов заключается в том, что рыбный промысел более локализован и дает громадное количество дешевого питательного продукта, между тем как охотничий промысел разбросан по всей громадной площади России и дает помимо питательного продукта (мяса зверей и птиц) еще и ценную пушнину, кожи, волос, пух, перо, рога, кости, мускус и проч. Пушнина, в особенности (ценность годовой добычи пушнины исчислялась в 30—40 мил. золотых рублей), в настоящее время имеет колоссальное значение для Советской Республики, как товарообменный фонд с границей, фонд—при умелом подходе к делу,—неиссякаемый и чрезвычайно выгодный, так как относительно многих сортов пушнины мы являемся мировыми монополистами (например, соболь). Мясо зверей и птиц, при современном продовольственном кризисе и уничтожении скота, может явиться важным питательным ресурсом для населения. Во многих уголках России население и теперь, как и прежде, может существовать только благодаря охоте, которая их и кормит, одевает и дает средства на покупку и обмен необходимых предметов.

Запас зверя и птицы, так называемый живой охотничий капитал, за время революции, вопреки примерам Западной Европы, не только не уменьшился в России, но значительно увеличился, благодаря многим обстоятельствам. Это увеличение необходимо использовать не хищнически, не с исключительной точки зрения потребителя, а положив в основу интересы народного хозяйства в целом. Если при былом беспорядочном ведении дела прямой доход от охоты выражался в сумме 100 миллионов золотых рублей, то при интенсификации охотничьего хозяйства и его упорядочении, при посредстве самих заинтересованных групп населения, цифра эта имеет все данные к тому, чтобы вырасти не в 2 или в 3 раза, а в 10 и более; примеры этому мы можем видеть и в Западной Европе и в С.-Америке. Не надо забывать, что под охотничью эксплуатацию годны не только дикие, не

заселенные площади, но и сельско-хозяйственная культура создает наивыгоднейшие условия для разведения многих пород дичи.

В тесной связи с охотой стоит пушное звероводство, блестяще оправдавшее себя в Канаде и находящееся у нас в зачатке, но имеющее все шансы на быстрое и блестящее развитие.

Экономическое значение охоты в хозяйственной жизни страны не ограничивается прямыми прибылями от добытых продуктов охоты, а заключается еще в том, что она вызывает в обращение ряд других ценностей, способствует развитию специальных отраслей фабрично-заводской промышленности и кустарных промыслов и дает серьезные заработки неохотничьим группам населения: производство оружия, пороха, дрови, принадлежностей и проч., скорняжный промысел, перевозки, торговля, обработка различных продуктов охоты и проч... Принимая все это во внимание, мы увидим, что весь, так сказать, оборот охоты выразится несравненно большей цифрой, чем 100 мил. рублей, получаемых непосредственно от продажи продуктов охоты, и что падение охотничьего промысла неминуемо отражается болезненно на многих других отраслях народно-хозяйственной жизни.

Резюмируя в кратких словах народно-хозяйственное значение охоты в России, можно сказать следующее:

1) Охота дает населению крупный заработок, выражающийся в сумме свыше 100 мил. золотых рублей.

2) Охота является единственным или главным средством существования групп населения во многих местах России.

3) Интенсификация и упорядочение охотничьего дела может повысить доходность от охоты в 10 или более раз.

4) С охотой тесно связаны многие отрасли народно-хозяйственной жизни.

5) Пушнина является товарным фондом колоссального значения при торговых операциях с заграницей, способным поднять курс нашего рубля.

6) Улучшение скорняжного дела (выделка и подкраска меха) и отправка за границу выделанных мехов повысит во много раз выгодность пушных операций с заграницей.

7) Охота дает государству важные продукты в виде мяса, шкур, меха, рогов и проч.

Значение охоты в жизни государства вообще не исчерпывается приведенными данными.

Откинув даже в сторону утилитарный взгляд на животных, мы должны без сомнения признать за ними другое, неизмеримо большее значение для человека а именно—благотворное влияние близости их

на духовный его мир. Влияние это настолько неоспоримо, что доказывать его значило-бы подтверждать азбучную истину. Ведь, чем культурнее местность, тем скученнее население и меньше представляется возможности для большинства иметь близкое общение с природой; тут-то особенно дорогою оказывается каждая птичка, каждый зверек, попадающие на глаза человеку, что вызывает, конечно, безусловную необходимость в крайне бережливом отношении к животным. Но раз это так, то сам собою возникает вопрос,—уместна ли вообще какая-бы то ни было охота в культурной полосе, а тем более охота любительская, потерявшая свое промысловое значение, и можно-ли вообще признать за охотничьим спортом право на существование. Не есть ли это действительно невызываемая необходимостью жестокая и злая забава, как величают охоту ее противники, и не проще ли взять при подобных условиях всех животных под полную охрану закона, воспротив всякую добычу их. Предлагая эти вопросы, мы тем самым ставим на очередь решение довольно трудной задачи определения сущности охотничьей страсти, наличие которой несомненно как у любителей-спортсменов, так и у громадного большинства промысловых охотников.

Прежде всего, с формальной точки зрения, охота есть добыча животных—зверей и птиц; но одним представлением о добыче еще не исчерпывается вся сущность охоты; действительно, есть что-то такое, какое-то другое чувство или побуждение, заставляющее человека забывать все удобства жизни, комфорт и бродить по целым дням, пренебрегая холодом и непогодой, не доедая, не досыпая и подвергая зачастую свое здоровье или даже жизнь опасности. Не даром-же у нас сложилась поговорка: „охота пуще неволи“. И неужели-же несколько штук добываемых при этом птиц могут служить для охотника существенным вознаграждением за все перенесенные им лишения? Само собою разумеется—нет, и сущность охотничьей страсти коренится не только в получении материальных выгод, а в удовлетворении особой потребности человеческого духа, побуждающей заниматься охотой, потребности, составляющей неотъемлемое свойство человеческой природы. Нельзя не привести здесь полного поэзии отрывочка из книги А. Брема „Жизнь птиц“, в котором этот известнейший натуралист и охотник высказывает свой взгляд на охоту. „Я, говорит—Брэм,—знаком с удовольствиями жизни охотника, потому что охотился во многих странах, целые месяцы без остановки предавался этому делу и могу сказать, что такое охота и жизнь охотника. Но как облечь в слова то, что охватывает и покоряет мужское сердце, и будет производить это действие до тех пор, пока будут биться мужские сердца? Однако, попытаюсь, хотя и знаю, что скажу очень плохо. Все, что только может представить природа человеку, охота доставляет охотнику. Она открывает ему глубину леса, проводит его по зеленым долинам и горам, переносит его на моря, качает его на речной поверхности, показывает ему путь в непроходимые болота, правит его челноком в тихом озере.

переправляет его через пустыни и степи на спине верблюда, выискивает ему тропинку через непроницаемые стены девственного леса и идет перед ним бодрым путеводителем, когда он робкою стопой взбирается взглянуть на бриллиантовый венец горной цепи. Она показывает ему море во всем его великолепии и покое, пробуждает в нем страсть к мореплаванию и делает понятными слова поэта: „Люблю тебя, море, как свою душу“. Она же открывает ему ужасы и великолепие пустыни и возвышает ему сердце, между тем, как другие сердца трепещут, она освещает ему сказочный мрак девственного леса и снаряжает его в бой с его львами. Она делает еще более, учит его и стремится сделать из него человека, благородного телом и духом. Рано поднимает она его с ложа, охраняет от праздности, укрепляет его мускулы, придает силу членам, дает тонкость чувствам, делает смуглым лицо и покрывает румянцем щеки в зной и холод, в ветер и дождь; она учит его голодать, терпеть жажду и лишения, быть сносным и довольным, отгоняет от него заботы, разглаживает чело и делает сердце свободным и великим, твердым и мужественным. Ибо когда дело коснется серьезной охоты, когда придет нужда защищать отечество от ярости врагов, спасать жену и детей, тогда охотник почувствует, как Телль, что его оружие, которым научила его владеть охота, может служить к лучшей цели, чем убийство невинных животных; он идет на поле битвы и сумеет воспользоваться верным ружьем. А когда благородное дело окончится, он опять возвращается в лес; в нем смолкает мелкая суетность человека. Тут он живет для одного себя и довольствуется собою; к скупости, зависти, суете других он остается холодным. Годы убегают его голову, но щеки цветут даже и в старости; сердце его остается вечно юным в зеленом лесу. Вот, что я называю настоящей жизнью охотника, вот что значит для меня охота“.]Так писал А. Брем, величайший натуралист и охотник. Каждый истинный охотник есть в то же время, в большей или меньшей степени, и натуралист, так как мотивы, побуждающие того и другого предаваться своей любимой страсти, одни и те же—непреодолимая любовь к природе; разница же между охотниками и натуралистами, возникающая вследствие отсутствия научной подготовки у первых, заключается лишь в об'ектах и методе их изучения. Натуралист, биолог и зоогеограф, занимающийся высшими позвоночными, обязательно должен быть охотником; с другой же стороны, всякому желающему сделаться хорошим охотником, неизбежно приходится, без всякой даже предвзятой научной цели, обращаться в натуралиста—до тонкости изучать образ жизни зверей и птиц, часами или даже днями выслеживая или подстерегая их, знакомиться невольно не только с деятельностью охотничьих животных, но также и многих других, равно как и с прочими явлениями местной природы, помимо животного мира. Вот почему у таких охотников всегда огромный запас биологических наблюдений, и столь нередки случаи, когда даже солидным ученым приходится основываться в своих трудах на

сообщенных ими данных. Постоянное общение с природой и занятие одним и тем же любимым делом настолько изощряют у охотников наблюдательность, что в этом отношении с ними не сравнится никакой специалист зоолог, хотя-бы и с прекрасной теоретической подготовкой, но имеющий мало полевого опыта. Иногда-же встречаются среди охотников такие таланты-самородки, как, например, знаменитый С. Т. Аксаков, которые, при помощи одной только наблюдательности, без всякой научной подготовки, создают шедевры в роде „Записок ружейного охотника Оренбургской губернии“, могущие служить самыми лучшими первоисточниками знания. Таким образом, мы видим, что не только добывание животных специалистами, ради строго научных целей, но и всякая охота вообще нередко может содействовать расширению наших сведений по биологии, и в таких случаях охота не только не нуждается в оправдании, но она приносит еще непосредственную пользу.

Допустив даже, что огромному большинству охотников не придется, по той или другой причине, утилизировать с пользою для науки добытых ими данных из жизни животных, следует все-таки признать, что один уже факт сближения с природою и невольного при этом знакомства с ее проявлениями многих сотен тысяч или даже миллионов охотников, тем самым способствует поднятию общего уровня знания в массе, знакомит население с образом жизни местных животных, возбуждает интерес к ним и развивает наблюдательность—способность далеко не бесполезную не только в области охоты, но также и на всяком другом поприще человеческой деятельности.

Откинув даже и это в сторону и принимая во внимание такие случаи, когда охота является не больше как упражнением в стрельбе—забавою, не сопровождаемою абсолютно никакими поучительными наблюдениями, мы все-таки вынуждены будем силою обстоятельств признать за спортом права гражданства, так как страсть к охоте настолько свойственна натуре человека, что, как показывает история, заглушить ее не могли никакие строжайшие запрещения под угрозами штрафов, истязаний и даже самой смерти.

Всестороннее изучение охоты во всей ее совокупности и составляет предмет охотоведения, затрагивающей весьма многочисленные отрасли знаний. Рассматривая охоту вообще, мы можем подойти к ней с разных точек зрения. Если мы поставим себе вопрос: чем или посредством чего производится добывание животных, т. е. посмотрим на охоту с технической стороны, то увидим, что существуют охоты ружейная, псовая, с ловчими птицами, самоловами, при непосредственном участии человека и без него и т. д., что при этом употребляется то или иное оружие и приборы, собаки и птицы, и, углубляясь в детали, дойдем до производства оружия и порохов, до тонкостей собаководства и различных приемов и способов умерщвления и поимки животных. При этом сам собой возникает вопрос: для чего производится охота, и, грубо схематизируя, мы можем указать, что есть